

6. Лукина А.В. Социокультурные технологии формирования национальной идентичности (историко-методологический аспект): Автореф. ... дис. канд. культурологии. – Екатеринбург, 2004. – 25 с.
7. Дебор Ги. Общество спектакля. – М.: Логос, 1999. – 224 с.
8. Маклюен М. Понимание медиа. Внешние расширения человека. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2003. – 464 с.
9. Gouldner A. Ideology, the Cultural Apparatus, and the New Consciousness Industry. – Culture and Society. Contemporary Debates. – Cambridge University Press, 1994 – P. 306–316.
10. Лукина А.В. Технологии производства и утверждения национальной идентичности// Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 2006. – 327 с.
11. Дерябин А. «Русский проект»: конструирование национальной истории и идентичности [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/rp.htm>. – 21.11.2009.
12. Прайс М. Телевидение, телекоммуникации и переходный период: право, общество и национальная идентичность. – М.: Изд-во МГУ, 336 с.
13. Глухов А.П., Турутина Е.С., Шевченко Н.Н. Российская телевизионная реклама: реконструкция национальной идентичности. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. – 280 с.
14. Левада Ю.А., Гудков Л., Дубин Б. Проблема «элиты» в современной России. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. – 372 с.
15. Schudson M. The Good Citizen: A History of American Civic Life. – Massachusetts, London: Harvard University Press, 1998. – 390 p.
16. Барт Р. Мифологии. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004. – 320 с.
17. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 432 с.

Поступила 21.10.2009 г.

УДК 17

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА КАК КОНТЕКСТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО СУЩЕСТВОВАНИЯ ТЕМЫ

Н.В. Погукаева

Томский политехнический университет
E-mail: pogukaeva@mail.ru

Анализируются принципы и основания современной философии науки, излагаются характеристики философской системы Дж. Холтона, научно-исследовательская программа представлена как контекстуальное пространство существования темы.

Ключевые слова:

Научно-исследовательская программа, научная тема, контекст, парадигма.

Key words:

Scientific-research programme, scientific theme, context, paradigm.

Осмысление научного познания в контексте его истории, методологии и структуры знания с позиции взаимосвязи с культурой и социальными изменениями сегодня является актуальным и оправданным. Быстрые темпы развития науки обуславливают интерес к изучению проблем научного творчества. Процесс возникновения знания, новых тематических конструкций является не менее важным предметом философского анализа. Существенно изменяются представления о научном познании и факторах, влияющих на этот процесс.

Неклассическая эпистемология показывает, что сегодня субъект научной деятельности функционирует на трех уровнях: как ученый, как научное сообщество (университет, лаборатория, «незримый колледж»), общество в целом.

Понятие исследовательской программы стало активно фигурировать в методологии науки только после работ британского философа Имре Лакатоса. Однако, данный термин функционирует достаточно давно.

В отечественной философии науки научно-исследовательская программа успешно применяется. Так, анализируя понятие «исследовательской программы», М.А. Розов понимает под ним типы вопросов или задач и соответствующие им методы, независимо от того, идет речь о теоретическом исследовании или об эмпирическом описании [1].

П.П. Гайденок использует понятие «исследовательская программа» в более общем значении, охватывая развитие не только научных теорий, но и философских методологических концепций. Исследование процесса развития научных программ Античности, Средневековья, Нового времени потребовало уточнения природы допущений, которые невозможно доказать в рамках теории, но принимаются как необходимые для ее существования. «Именно в рамках определенной научно-исследовательской программы (НИП), имеющей целостный характер, теория получает базисные предпосылки, идеалы объяснения, обоснования и доказательства достоверности получаемого знания» [2].

В.С. Стёпин находит параллели между понятиями «исследовательская программа» и «картина мира», понимая под последним особую форму знания, регулирующую постановку фундаментальных научных проблем. Иными словами, картина мира функционирует как глобальная исследовательская программа, на основе которой формируются ее более конкретные дисциплинарные исследовательские программы [3].

Содержание, способы существования и организации научно-исследовательских программ могут быть различными. Традиционно науку связывают с двумя основными типами: исследовательские программы (это программы, организующие сам процесс исследования); коллекторские программы (программы фиксации и организации полученных результатов с целью их передачи и использования).

Подобные программы определяют надындивидуальную сущность науки, одновременно реализуясь в деятельности огромного количества конкретных людей.

Думается, что научная программа – это, в большей степени, «фундамент», включающий в себя методы, способы, определяющий направление научного поиска.

Т. Кун [4], разрабатывая концепцию парадигмы, понимал, что работа ученого четко запрограммирована, но, очевидно, не ставил своей целью выделить и более детально проанализировать все многообразие программ. В данном контексте «Личностное знание» М. Полани – иной вариант исследовательской программы [5]. Анализируя науку на микроуровне, можно обнаружить такие программы, которые нигде не сформулированы, но существуют в виде непосредственного подражания образцам деятельности.

Несомненно, воспроизведение деятельности по образцам – это глубинный и фундаментальный механизм существования культуры, на котором основываются все остальные социокультурные программы.

Иными словами, картина мира, парадигма, личностное знание, стиль мышления, традиция – все это явления для обозначения тех программ, в рамках которых работает ученый. Тогда наука есть ничто иное, как способ существования и развитие таких программ.

Каждая исследовательская программа необходимым образом содержит в себе научную тему. Многие темы живут долго, переживая научные революции, поскольку функционируют в рамках определенных программ. Научная тема, возможно, подобна теме музыкальной, так как в определенном контексте звучит по-новому.

Историк науки В.П. Визгин, исследуя квантовую революцию в физике, обнаружил эффективность применения НИП. «При решении широкого круга проблем, например, после открытия специальной теории относительности, можно выявить

три большие программы-стратегии: классико-механическая, электромагнитно-полевая и релятивистская. Между «ядрами» этих конкурирующих программ существует определенное родство: они связаны по принципу соответствия, имеют ряд общих предпосылок методологического и философского характера» [7].

Как было отмечено выше, собственно методологию научно-исследовательской программы как сложно структурированной динамичной «единицы» методологического анализа зрелой теоретической науки разработал И. Лакатос [8]. По И. Лакатосу история познания есть вариант социально-психологического контекста («внешняя история науки») и логической реконструкции («внутренняя история науки»).

«Развертывая методологию научно-исследовательской программы только во «внутренней истории», И. Лакатос четко определял позиции: «моя методология вообще не занимается мнениями и убеждениями» [8]. Он исследовал последовательность теорий, образующую «сдвиг проблем». Если новая теория ведет к открытию новых фактов, то развитие последовательности теорий можно считать прогрессивным. В противном случае, регрессивным. Однако, оценивать нужно исследовательскую программу в целом.

Итак, последовательности теорий представляют собой развивающуюся исследовательскую программу.

Структура НИП выглядит следующим образом.

«Твердое ядро программы» (*hard core*) – это совокупность суждений, которые явно или неявно являются теоретической основой данного стиля мышления. Это принятые по соглашению исходные научные и философские утверждения о структуре объекта, которые рассматриваются как непроверяемые в этой НИП. Жесткое ядро является общим для всех теорий программы.

«Работающие в определенной программе ученые принимают её метафизику, считая её адекватной и непроблематичной, хотя могут существовать и другие метафизики, определяющие альтернативные исследовательские программы. Так, в XVII в., наряду с ньютоновской, существовала картезианская программа в механике, метафизические принципы которой существенно отличались от ньютоновских» [9].

Сохранить «ядро программы» позволяют вспомогательные гипотезы, образующие «защитный пояс» (*protective belt*).

Негативную эвристику (*negative heuristics*) составляет совокупность вспомогательных гипотез, которые предохраняют ее ядро от фальсификации и опровергающих фактов [8].

Позитивная эвристика (*positive heuristic*) представляет собой стратегию выбора первоочередных проблем и задач, которые должны решать ученые. Если усилия в рамках научно-исследовательской

программы дают прогрессивный сдвиг проблем, то данную НИП можно считать успешной [8].

Классический пример успешной научно-исследовательской программы, который приводит И. Лакатос, – это теория тяготения И. Ньютона. Вокруг нее было множество контрпримеров, аномалий, она вступала в противоречие с теориями, подтверждающими эти аномалии [8]. Ученые превращали контрпримеры в подтверждающие примеры, применяя изобретательность в ходе выдвижения вспомогательных гипотез, подвергая критике теории, лежащие в основе контрпримеров. «Твердое ядро» программы оставалось неизменным, благодаря позитивной эвристики.

В принципе, разрушение «твердого ядра» возможно: это происходит тогда, когда программа больше не позволяет предсказывать ранее неизвестные факты. Однако, не стоит недооценивать еще действующую программу, если у нее обнаружилась более сильная конкурирующая НИП.

Заметим, что в современной науке жизнестойкость НИП зависит и от множества ненаучных факторов – таких, как: контекст, идеи государства, престиж страны и др. Примером в данном случае может служить становление космической науки в СССР. Очевидно, для человечества всегда было и будет интересным и захватывающим изучение космоса. Г. Селье писал: «Всякий, кто способен чувствовать, глядя на небо в ясную ночь, не может не спрашивать себя, откуда берутся звезды, куда они исчезают, и что поддерживает порядок во вселенной» [10].

С точки зрения И. Лакатоса, положительная эвристика, а не аномалии, в большей степени определяет, какие проблемы подлежат рациональному выбору ученых, работающих в рамках НИП. Аномалии фиксируются в надежде, что когда-нибудь они превратятся в факты, подкрепляющие программу [8]. Заметим, что такой подход противоречит традиционному представлению: если теория

«опровергнута» экспериментом, рационально будет заменить ее новой, еще непровергнутой теорией. Но И. Лакатос утверждает, что за этим кроется «скороспелая рациональность», иными словами, – стремление немедленно определить ценность, степень истинности, подтверждения теории.

Если сравнить концепцию НИП И. Лакатоса с концепцией парадигмы Т. Куна, то можно обнаружить ее определенные преимущества. Конкуренция теорий и проблема их выбора отрицает возможность развития «нормальной» науки. Снимается проблема резкой смены парадигм, поскольку каждая НИП стремится защитить «твердое ядро», создавая вспомогательные гипотезы.

Современная философия науки рассматривает концепцию научно-исследовательских программ И. Лакатоса как историю методологии науки. «В целом, она утопична и не выполняется в полной мере во многих случаях истории науки» [6]. Однако, многие идеи НИП (позитивная эвристика, «твердое ядро») значимы и сегодня.

Методология научно исследовательской программы звучит по-новому и в рамках тематического анализа, давая возможность для развития новых методологических конструкций.

Выводы

Научно-исследовательская программа это когнитивное основание формирования научной темы. Она обозначает горизонт систематизации знаний. Целостный характер программы гарантирует достоверность получаемого знания.

Научно-исследовательская программа является способом существования научной темы, в центре каждой программы есть определенная совокупность тематических допущений, которые зачастую носят бессознательный характер и являются опорными средствами мышления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Розов М.А. Понятие исследовательской программы // Исследовательские программы в современной науке / под ред. В.В. Целищева. – Новосибирск: Наука, 1987. – 205 с.
2. Гайденок П.П. Эволюция понятия науки. Формирование научных программ Нового времени. – М.: Наука, 1987. – 447 с.
3. Стёпин В.С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 743 с.
4. Кун. Т. Структура научных революций. – М.: Академический проект, 2000. – 605 с.
5. Полани М. Личностное знание. – М.: Прогресс, 1985. – 344 с.
6. Розов М.А. Пути научных открытий // Вопросы философии. – 1981. – № 8. – С. 138–147.
7. Визгин В.П. Методологические принципы и научно-исследовательские программы // Методологические проблемы историко-научных исследований / под ред. В.П. Горана. – М.: Наука, 1982. – 360 с.
8. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. – М.: Академический проект, 1995. – 236 с.
9. Корниенко А.А., Ардашкин И.Б., Чмыхало А.Ю. Философия науки. – Томск: Изд-во ТПУ, 2002. – 164 с.
10. Селье Г. От мечты к открытию. – М.: Прогресс, 1987. – 367 с.

Поступила 20.11.2009 г.